

— Ты уверен, что пол второго дедушки лучше? — с загадочной улыбкой спросил Линь Ци.

Он-то, в отличие от Линь Ханя и Линь Линя, которые в полусне устроили настоящее сражение, видел всё от начала до конца.

Прошлой ночью, около двух-трёх часов, Фэйфэй, мирно спавший в объятиях Линь Ханя, был бесцеремонно вытащен оттуда сомнамбулическим Линь Линем, который, прижав малыша к себе, продолжил сладко спать.

Лишившись своего сокровища, Линь Хань, даже не проснувшись, не мог с этим смириться. Когда Линь Ци, разбуженный пинком Линь Линя, с хмурым видом открыл глаза, чтобы посмотреть, кто это его пнул, он увидел, как Линь Линь и Линь Хань, обмениваясь пинками и толчками, отчаянно сражаются.

Самое удивительное было то, что хотя Линь Ци и Линь И проснулись, виновники переполоха продолжали спать. И даже Фэйфэй, ставший яблоком раздора, умудрился не получить ни одного удара.

Глядя на эту сцену, Линь Ци всерьёз заподозрил, что Линь Линь затаил на него обиду и теперь, прикрываясь лунатизмом, решил пнуть его ногой.

В конце концов, Линь Ци и старший брат Линь И переглянулись. В их глазах читалась безысходность. Если так пойдёт и дальше, этой ночью им поспать не удастся.

В итоге Линь И просто протянул руку и забрал спящего малыша к себе. Лишившись объекта спора, двое бойцов, обменявшись ещё парой бессмысленных ударов, беззаботно заснули.

А вот Линь Ци, разбуженный среди ночи, почти сорок минут не мог снова уснуть.

Что до Линь И, то он, разбуженный шумом, спал прекрасно. Сначала он не собирался обнимать Фэйфэя во сне, но, вспомнив, с какой нежностью его оберегал Линь Хань, решил попробовать. И так, обняв малыша, он проспал до самого утра, ни разу не выпустив его из рук.

Под утро Линь Хань снова зашевелился. Изначально слева от него спал Фэйфэй, а справа — Линь И. Теперь, когда Фэйфэя забрал Линь И, непонятно, какая неведомая сила потянула спящего Линь Ханя, но он снова начал сражение, на этот раз с Линь И.

Но Линь И был не Линь Линь, с которым можно было бы сражаться на равных. Старший брат, обладавший второй после Линь Госюна силой в семье и инстинктами, отточенными в экстремальных условиях, мгновенно пресёк попытку нападения.

— Ты, Линь Хань и старший брат... вы все дерётесь во сне, вы в курсе? — устало произнёс Линь Ци.

Он так надеялся вчера хорошо выспаться, даже заснул без своих обычных десятков повторений мантры для успокоения. И всё было разрушено этими тремя!

Когда Линь Линь и Линь Хань дрались, он проснулся. Когда Линь Ци утихомиривал Линь Ханя, он снова проснулся. И после этого больше не заснул.

Редкий случай: обычно спокойный Линь Ци хотел кого-нибудь ударить. Старшего брата он не одолеет, но собственного младшего брата — почему бы и нет?

Линь Ци медленно поднял руку и, под удивлённым взглядом Линь Линя, быстро опустил её ему на голову.

— Это тебе за то, что ты меня вчера пнул.

Линь Линь возмутился.

— Кто тебя пнул? Ты что, с ума сошёл, ни с того ни с сего бить меня, да ещё и обвинять?

С этими словами он вскочил, чтобы схватить Линь Ци. Но стоило ему пошевелиться, как несколько мест на теле отозвались тупой болью.

Линь Ци встал.

— Болит, да? Это ты вчера с Линь Ханем подрался. Когда Линь Хань проснётся, спроси у него, болит ли у него что-нибудь.

Тут Линь Линь замолчал, потому что ему что-то вспомнилось. Кажется, вчера ему снилось, что он дерётся с Линь Ханем. Неужели это был не сон? Неужели он, заснув, перепутал реальность со сном?

Если так, то, кажется, во сне он действительно пнул Линь Ци. Чувствуя себя виноватым, Линь Линь, не обращая внимания на выражение лица Линь Ци, которое так и говорило: «Ну наконец-то до тебя дошло», сменил тему:

— А где старший брат и Фэйфэй?

— Уже встали. Фэйфэй, ребёнок, и то раньше тебя проснулся. Уже с дедушками на утреннюю зарядку ушёл. И старший брат с ними.

Надо же было так случиться, что сегодня утром Линь Госюн, спустившись в гостиную, вспомнил, что Фэйфэй ночевал здесь с Линь Ханем и остальными.

Старик подошёл поближе, чтобы посмотреть, как спит малыш, и, заглянув, встретился с его ясными, как бусинки, глазами.

Оказалось, Фэйфэй уже давно проснулся, но, поскольку спал в объятиях Линь И, боялся разбудить старшего брата и поэтому тихо лежал, играя со своими пальчиками.

Если бы Линь Госюн не подошёл, никто бы и не узнал, что он уже проснулся.

Но у Линь Госюна не было такого терпения, как у малыша. Он безжалостно шлёпнул Линь И по спине. Шлепок был перехвачен на полпути рукой Линь И, который, даже во сне, не терял бдительности. В следующую секунду его глаза уже были открыты, взгляд — острый и ясный, без малейших признаков сна.

Линь Госюн, казалось, ожидал такой реакции. Увидев, что тот проснулся, он убрал руку и сказал:

— Проснулся? Раз проснулся, нечего валяться. Бери Фэйфэя и пошли со мной на зарядку.

Линь И кивнул и, не говоря ни слова, поднялся вместе с малышом.

Одев Фэйфэя, умыв его и позавтракав, они вместе с Линь Госюном вышли из гостиной.

Минут через пять после их ухода спустился Линь Гошэн и повторил те же действия, что и его старший брат. Увидев, что на местах Фэйфэя и Линь И пусто, он догадался, что их забрал кто-то из братьев, кто проснулся раньше.

Выпив чашку рисовой каши, он тоже неспешно покинул гостиную.

Затем спустился Линь Гохун и снова повторил тот же ритуал.

Всё это Линь Ци видел своими глазами. Но самое обидное было то, что ни дедушка, ни второй дедушка, ни третий дедушка даже не заметили, что он тоже проснулся!

«Может, я глаза недостаточно широко открыл? — с горечью подумал Линь Ци. — И поэтому вы все меня проигнорировали?»

В этот момент, по сравнению с бодрым и свежим Линь Линем, невыспавшийся Линь Ци выглядел довольно помятым. Линь Линь, чувствуя свою вину, подошёл к нему и предложил:

— Может, тоже пойдём на зарядку? Заодно и в сад второго дедушки заглянем, яблок нарвём?

Последняя фраза выдала его истинные намерения.

Линь Ци смерил его презрительным взглядом, но ответил неожиданно быстро:

— Ладно.

Договорившись, они бросили единственного спящего — Линь Ханя — и отправились на улицу.

Умывшись, они вышли из дома и, не пройдя и нескольких шагов, наткнулись на большую компанию. Под одобрительными взглядами трёх дедушек малыш, сжав маленькие кулачки, старательно выполнял какие-то упражнения.

Линь Ци и Линь Линь даже расслышали, как Линь Госюн говорит Линь И:

— Ты в своё время за год не научился тому, что Фэйфэй освоил.

Линь И с улыбкой кивнул, не возражая.

Линь Ци и Линь Линь знали, что когда старший брат Линь И учился у дедушки боевым искусствам, первые три года он не выучил ни одного приёма, а только стоял в позе всадника. Так что сейчас Фэйфэй, даже если бы просто махал кулачками и кричал «Ха!», всё равно считался бы более успешным учеником.

Когда Фэйфэй закончил, Линь Гошэн подошёл и вытер ему пот со лба. Это показывало, насколько усердно малыш тренировался — даже вспотел.

Линь И, наблюдавший за ним, разглядел в его движениях нечто большее.

— Дедушка, ты учишь его самообороне? — спросил он у Линь Госюна.

Пусть Фэйфэй ещё мал и слаб, и сейчас эта техника не выглядит внушительно. Но когда он подрастёт, отточит эти движения до автоматизма, до мышечной памяти, когда он сможет действовать инстинктивно, Линь И был уверен, что он сможет уложить любого, кто не является профессиональным бойцом, не более чем за три приёма.

Линь Госюн не видел ничего плохого в том, чтобы учить Фэйфэя боевым искусствам. Он с гордостью ответил:

— Фэйфэй умный, несколько раз со мной повторил и уже всё запомнил. Ещё лет десять, и я не

буду беспокоиться, что его кто-то обидит.

Есть поговорка: «Каким бы ни был ты мастером, одна пуля тебя уложит». Но в стране С, где огнестрельное оружие запрещено, эта поговорка теряла половину своей силы.

Малыш был красив, добр, и семья Линь слишком сильно его оберегала. Когда он вырастет и выйдет в большой мир, домашние неизбежно будут беспокоиться, что его обидят или обманут.

Но если ради того, чтобы уберечь его от этого, заранее знакомить его с жестокостью мира, лишая его простого и счастливого детства, то такой разговор, если бы кто-то его завёл, не прошёл бы даже через Линь Гошэна, не говоря уже о Линь Сыняне.

Обучение боевым искусствам было мерой предосторожности.

Линь И, глядя на одинаково гордые лица дедушки, второго дедушки и третьего дедушки, вдруг подумал: возможно, через несколько лет малыш научит некоторых людей, что внешность обманчива.

Хотя он и выглядит мягким, милым и совершенно беззащитным, на самом деле он может быть очень опасен. Протянув свою маленькую ручку, он может уложить и десятерых.

При этой мысли Линь И даже почувствовал некоторое предвкушение.

В доме семьи Цуй.

Цуй Юань с самого утра закатил истерику. Он не только отказывался есть, но и начал разбрасывать вещи. Вся его комната была завалена подушками и игрушками.

Родители Цуй Юаня, привлечённые шумом, прибежали в его комнату. Увидев этот беспорядок, их лица тут же омрачились.

Цуй Гуан поднял с пола разломанную на куски игрушку и нахмурился.

— Что ты творишь? Если будешь так себя вести, я не исполню ни одного твоего желания.

Цуй Юань, не обращая на него внимания, с покрасневшими, но свирепыми глазами, крикнул:

— Вы не держите слово! Вы первые меня обманули! Вы обещали сегодня отвезти меня к Фэйфэю! Я уже договорился с Сяоху и остальными! Папа, вели скорее отвезти меня к Фэйфэю!

Желание поехать к Фэйфэю, желание увидеть Фэйфэя... С начала зимних каникул Цуй Юань твердил об этом чуть ли не через день.

Обычно это не было проблемой. Даже если все в доме были заняты, можно было послать с ним кого-нибудь и отправить на машине.

Но, к несчастью, недавно бизнес-интересы семьи Цуй пересеклись с интересами корпорации «Линь». И Цуй Гуан, несмотря на все свои хитрости, проиграл Линь Цзинли.

Хотя обе семьи действовали в рамках приличия и не задевали основ дружбы, Цуй Гуану было не по себе. Он даже перестал посещать банкеты, на которых присутствовал Линь Цзинли.

И даже его компания начала нападать на филиалы «Линь» в той же сфере.

Линь Цзинли рассматривал это как мелкую, безобидную месть и не обращал внимания. Цуй Гуан, на самом деле, тоже не был настроен серьезно, но нужно было показать свою позицию. Иначе сторонние наблюдатели могли подумать, что на семье Цуй можно наживаться безнаказанно.

Но пока он тут изображал принципиальность, его собственный сын подрывал его авторитет.

Линь Цзинли только что его унизил, а он должен теперь с поклоном отправлять своего сына играть с племянником Линь Цзинли? Он, Цуй Гуан, всё-таки был влиятельным и богатым человеком в городе С. У него тоже была гордость!

Оказалось, что дети не считаются с миром взрослых. Видя, что отец не уступает, Цуй Юань бросил подушку и, босиком спрыгнув с кровати, принялся кататься по полу, рыдая.

— Я хочу к Фэйфэю! Хочу! Я хочу к нему! — Если Сяоху, Чу Сяохань и Лян Ханюй приедут, а его не будет, все подумают, что он не держит слово, и перестанут с ним играть.

Цуй Юань рыдал изо всех сил, катался по полу перед отцом, доводя его до белого каления. В конце концов, Цуй Гуан не выдержал и несколько раз шлёпнул его по попе.

Но нет, на маленького Цуй Юаня это не действовало. После шлепков он зарыдал ещё громче. И даже, подражая героям из сериалов, закричал, катаясь по полу:

— Ты меня больше не любишь! Ну и бей! Можешь вообще убить! Если сегодня не убьёшь, я всё равно пойду к Фэйфэю! А-а-а, я ничего не слышу, ничего не слышу!

Такое поведение ясно показывало, что он был маленьким тираном в доме.

<http://bllate.org/book/13654/1592853>